

Набоков Владимир

Рената (божество, само божество!) утром, днем и вечером терпеливо выслушивает его изнурительно-подробные повествования о войне? Потому что так хочется господину Хемингуэю, подменившему персонаж самим собой. Ведь Ричард Кантуэлл — это сам Хемингуэй, примеривший мундир полковника американской армии. Половина диалогов с Ренатой — это упоенные военные исповеди Ричарда, чрезвычайно занятого самим собой. А Рената — преданное внимание. Вот вам идеальная, неправдоподобная, полная взаимного согласия пара. Вот вам гармония любви. Хемингуэй изображал и ощущал гармонию с легкостью, она была в нем самом. Его герой даже на утиную охоту, которой закольцован роман, собирается взять свою любовь, обдумывая специально для этой цели приобретение ей теплой куртки и фирменных ружей.

Хемингуэю хорошо удавались пейзажи и несколько хуже — игра отношений. Диалоги Ричарда с Ренатой похожи на заклинания, повторяющиеся в одном и том же регистре:

— А я тебе уже говорил, что я тебя люблю?

— Говорил, но скажи еще раз.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Говорю тебе это прямо и официально.

— Говори как хочешь, если только это правда.

— Посмотри-ка, Ло, сколько там коров на том склоне!

— Мне кажется, меня вырвет, если посмотрю на еще одну корову.

— Знаешь, Ло, я ужасно скучал по тебе.

— А вот я по тебе не скучала. Мало того — мерзко изменяла.

Это, как вы понимаете, уже другая пара, Гумберт с Лолитой, — рядом с которыми простодушный и мужественный пафос хемингуэевского повествования кажется особенно трогательным. Гумберт лучше знал жизнь и не обольщался, трезво оценивая "свою Лолиту" и пребывая с ней в перманентной и беспощадной борьбе. Что не мешало их отношениям быть насыщенными неотразимой грацией.

Оба автора были чужестранцами на той земле, где жили их девочки и развивались их романы. Но и Америкой, и Венецией оба текста добросовестно пропитаны. (Мне не пришлось еще прокатиться по гумбертовскому маршруту. Карта же исхоженной прошлым летом Венеции лежит рядом). И оба чужеземных романа — это истории любовных безумств, кончающихся гибелью, запечатленной на финальных страницах. Ставших тем самым бессмертием, которое мы жаждем разделить и с Гумбертом, и с Ричардом.

Ольга ИГНАТЮК

ЛЮБИМЫЙ ЖАНР

Жржж и счжжж -
1999. - май
(-19-20). - 97.

Конечно, к 100-летию Набокова вновь по ТВ показали "Лолиту". Какой русский не считает ее теперь своей культовой вещью и не знает наизусть текста? Однако, во всеобщей любви к Лолите забыли другую девочку, ее современницу и старшую сестру. Которую я люблю не меньше младшей — может быть, по причине большего стажа знакомства с нею. Собственно, любовь-то адресуется именно парочке, и если Лолите и Гумберту, без которого никакой бы Лолиты и не было, то тут же и во-первых — Ренате и Ричарду Кантуэллу, полковнику пехотных войск США.

Роман Хемингуэя "За рекой, в тени деревьев" появился вообще на пять лет раньше, и лишь в 1955 году — набоковская "Лолита" Ричарду Кантуэллу было пятьдесят, Ренате — восемнадцать (Гумберту тридцать семь, Лолите — двенадцать). Две девочки, итальянская и

На два голоса

американская, которых зрелые их любовники (оба американцы) называли "дочками", так и стоят, взявшись за руки, в моих мыслях о них. О, любимые пары мировой литературы! Жизнь их прошла рядом с моей собственной жизнью, а моя — в неизбежном ощущении их судеб.

Участник двух мировых войн, полковник Ричард Кантуэлл, уже подводящий итоги своей жизни, приезжает в Венецию, где видится со своей юной возлюбленной, общается с друзьями, бродит по городу, пьет вино в барах и кафе и на обратном пути умирает в автомобиле от сердечного приступа. Останавливается он в своем любимом отеле "Гритти-палас", в номере с видом на Большой Канал, и запахи венецианских площадей и набережных крепко вплетены в его любовный пейзаж. Юная Рената, его "последняя, настоящая и единственная любовь", девочка с профилем, "от которого щемит сердце", была эгегическим воплощением самой Венеции, сводившей полковника с ума. А также тоской героя по прошедшей молодости и уходящей жизни.

Когда мне самой не было восемнадцати, любовные диалоги Ричарда и Ренаты, перемешанные с венецианской топографией, виделись магическими заклинаниями, полными сверх-значения. "Давай позавтракаем в кафе "Флориан", на правой стороне площади Сан Марко. Площадь, наверно, залило водой, интересно будет поглядеть." "Игра заключалась в том, чтобы, выйдя из дверей "Гритти", попасть, не заблудившись, прямо на Риальто через Fondamente Nuove". Сакральные, непостижимые, манящие слова.

Да, когда мне не было восемнадцати, хемингуэевский роман был для меня романом-заповедью, хрестоматией мечты.

Так вот, когда читаешь "За рекой..." в юности и тебе самой меньше, чем Ренате, Рената видится пленительной красавицей, а Ричард — полным шарма и могущества джентльменом. Теперь я вижу "графиню Ренату" восторженной девочкой, идеализирующей своего не столь уж неотразимого, весьма потертого возлюбленного, у которого и в карманах-то негусто.

Так почему божественно-покорная и нежная

142